

Яков Шехтер

ОН УЖЕ ИДЕТ

«Это огромный волшебный мир настоящей мастерской литературы, который полнится мыслями и чувствами даже после того, как закрыта последняя страница».

Дина Рубина

Хорошая проза

Яков Шехтер

Он уже идет

«Феникс»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6

Шехтер Я.

Он уже идет / Я. Шехтер — «Феникс», 2021 — (Хорошая проза)

ISBN 978-5-222-40031-9

Бесы и демоны не плод человеческой фантазии. Они такая же реальность, как деревья, растения и животные. Когда мужская душа спускается в этот мир, вместе с ней спускается женский демон, вместе с женской душой спускается мужской. Демоны лишь частично материальны, в основном это духовные сущности, они во многом похожи на людей, только лишены постоянного физического тела. В романе неспешно и подробно рассматриваются всевозможные варианты пересечения человека и демонов: духовные, деловые и любовные.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-222-40031-9

© Шехтер Я., 2021
© Феникс, 2021

Содержание

Чистая проза Якова Шехтера	6
Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Яков Шехтер

Он уже идет

В книге использованы репродукции картин Александра Канчика

Издание подготовлено при участии литературного агентства «Флоберизм» (Ольга Аминова, Татьяна Булатова).

В оформлении книги использованы репродукции картин Александра Канчика.

© Шехтер Я., текст, 2021

© ООО «Феникс», 2022

Чистая проза Якова Шехтера

Всем нам в детстве приходилось замирать от страха и восторга, читая или слушая истории о разной-всякой таинственной бесовщине. Да что там детство: так называемый хоррор в литературе не был бы столь популярен, если б мы, став взрослыми, потеряли жгучий природный интерес к потусторонним явлениям, к странным и пугающим историям, которые – «честное слово!» – произошли с *моим собственным дядькой, моей бабушкой или нашим соседом*.

Видимо, в человеческой душе прочно сидит то пугающе-восторженное чувство перед непознаваемыми, а может, и атавистическими ужасами: не то перед высшей силой, не то перед ратью силы нечистой.

Подобные переживания как-то рассвобождают внутреннюю пружину в душе взрослого, образованного и рационального человека, позволяя хоть на короткое время вернуться в захватывающий мир детского воображения.

Проблема только в том, что у ценителей хорошей прозы литературное качество произведений данного жанра оставляет обычно сомнительное, мягко говоря, впечатление.

Тем неожиданней встретиться с отлично написанной книгой, буквально кишасей бесовщиной: демоны, бесы, чертенята на посылках и прочая нечисть колготится, замышляет зло и вытворяет такое – на страницах этого романа, – что холодеют пальцы и волосы дыбом встают!

Я говорю о романе Якова Шехтера «Он уже идет».

Он густо населен; порою кажется, что перенаселен, и можно было бы запутаться в толпе персонажей, если б каждый из них не был сработан на славу – по личной колодке, по авторскому ранжиру: каждый ярок, убедителен, имеет свою, тщательно выписанную внешность и скрупулезно прописанную судьбу; каждый наделен своими страхами и надеждами, достоинствами или пороками, которые и приводят в книге к разным удивительным перипетиям.

А истории героев действительно поражают! Выверты и извивы дорожек, по которым бежит повествование, порою ставят в тупик, ужасают, изумляют: как же это можно было выдумать?! Тут Яков Шехтер – чемпион; он бьет все рекорды в сюжетосложении. Ибо каждая история тоже сшита по собственному лекалу, весьма прихотливому; весьма неожиданному; весьма поучительному.

Изобретательна конструкция этого романа: в сущности, каждый его персонаж, каждый житель Курува – еврейского городка в Галиции – на период одной из следующих глав становится главным ее героем. То реб Гейче, хозяин винокурни, выплывает перед нами со всем грузом судьбы, намерений, потаенных мыслей и истовых молитв; то Гирш, его управляющий; то водовоз Тевье, то очередной ешиве-бохер или томная еврейская красавица не без червоточинки в душе... Отличный инженерный ход, позволяющий автору приблизить к читателю каждый образ и заставить поверить в его «жизненную подлинность». Точно так мы снимаем с полки магазина, берем в руки, и приближаем к глазам, и рассматриваем какую-нибудь понравившуюся фарфоровую фигурку. Только, рассматривая фигурки, мы ни на минуту не забываем, что это – фарфор. Читая же роман Шехтера, мы забываем о собственной вещественности, погружаясь в мир литературных героев с поистине всепоглощающей страстью.

Польские паны, судьи и приставы, управляющие имением, шинкари, раввины и ксендзы, еврейские бедняки и еврейские богачи – бурлят и поучают, учатся и молятся, судят, обманывают, хитрят и благотворительствуют... Они трогают до слез, заставляя сочувствовать их горестям и удачам. И в этой круговерти, казалось бы, вполне достаточной для полноценного мира хорошей литературы, выскакивают – поистине как черти из табакерки! – сущности потустороннего мира: демоны, бесы, ведьмы – заваривая очередную кашу очередного сюжета оче-

редной захватывающей истории, которую ты начинаешь читать и уже не можешь оставить до самого финала, ибо истории эти – все про нас: про человеческую суть и душу, про наши мечты и надежды, достоинства и пороки. Ибо даже демоны здесь отнюдь не бесплотны и, когда приобретают человеческий облик, поразительно телесны и убедительны – своими рыжими бородами и пейсами, отлично сшитыми сюртуками и сапогами, черными горящими глазами... – как, например, демон Самаэль или оборотистая и зловещая демоница Лейка.

Это убедительность таланта. Убедительность мастерства.

Прозу Якова Шехтера многие сравнивают с прозой Ицхака Башевиса Зингера. Мне кажется, этот вывод ошибочен и бездумно основан на еврейской сюжетной закваске. Я, читая этот красочный, пестрый, бурлящий историями и тесный от персонажей роман, то и дело вспоминала «чертовщину» Гоголя, его захватывающую, леденящую карусель страха и вдохновения.

Вещественная, прошитая деталями и приметами времени (конец XIX века), насыщенная летними и зимними, рассветными, лунными и сумеречными пейзажами Галиции (прекрасно, кстати, написанными), – проза Шехтера настолько завораживает и затягивает в свой мир, что, закрывая последнюю прочитанную главу, ты ощущаешь себя... проснувшимся. А точнее, реально побывавшим в том времени: со всеми его садами-поместьями, бочками вина и водки, с деревянными столами в шинке, со скрипучими телегами, терпеливыми лошадками, сочными душистыми яблоками; с речкой, до середины которой выстроен водовозом Тевье деревянный помост, чтобы таскать людям только чистую, вкусную, прозрачную, без листиков и прочего сора воду... Чистую, как проза Якова Шехтера.

Это огромный волшебный мир настоящей мастерской литературы, который полнится мыслями и чувствами даже после того, как закрыта последняя страница. Мы же, читатели, какое-то время продолжаем существовать там, внутри, под обложкой, в оживленной и одухотворенной толпе героев, и долго не можем с ними расстаться. Мы противимся расставанию; мы и сами готовы стать героями следующей книги.

Именно это всегда отличает настоящую прозу от любого суррогата.

Именно это заставляет читателей искать новых встреч с новыми героями, с новыми книгами автора.

Именно это обеспечивает стойкий и благодарный интерес и любовь читателей к книгам Якова Шехтера.

Дина Рубина

Глава первая Бесы и демоны

Полная луна стояла над поместьем, заливая серебряным светом ухоженные, посыпанные тертым кирпичом дорожки. Белые стены панского дома светились в мягком сумраке ночи. Кусты, подстриженные в форме шаров и подходившие прямо к парадному крыльцу с колоннами, чуть шевелили листвой под дуновениями ветерка. Стояла ранняя осень, когда природа Галиции с трепетом готовится к заморозкам и словно напоследок радуется глаз алым, багряным и желтым. Кто знает, что будет после зимы? Все ли проснутся, всем ли будет дано вновь встретить праздник лета?!

По дорожкам вокруг сада, до утра разрезая на ломти черное пространство ночи, прогуливались два гайдука, удерживая на поводках распираемых яростью псов. Горе чужаку, в поисках добычи рискнувшему перебраться через высокий забор, окружавший поместье. Если бы ему и удалось уцелеть после знакомства с зубами натасканных на человечину псов, воришка остался бы калек до конца своих горестных дней.

Пан Анджей Моравский, хозяин поместья, отличался вспыльчивым и дурным нравом и к сорока годам успел обзавестись множеством врагов. Гайдуки охраняли его не от случайных лиходеев, те вряд ли бы рискнули ломиться в дом человека, о жестокости которого ходили легенды, а от мстителей. Вздорность характера не означает отсутствие ума. Пан знал, скольким людям пересек дорогу, и поэтому берегся.

Свет луны пробивался даже через плотно занавешенные окна панской опочивальни. Пани Эмилии, третьей жене хозяина поместья, не спалось. Дело было не в заливином храпе мужа, его она уже приноровала не замечать, а в смутной тревоге, тяжести на сердце.

Первая жена пана умерла совсем молодой. Пани сопровождала мужа на охоту, волк неожиданно выскочил из перелеска под ноги ее лошади, та испугалась, понесла и сбросила наездницу прямо на валун. Вторая жена, принесящая пану в качестве приданого немалое количество золотых, оказалась болезненной и слабой. За годы их супружества дом так пропитался запахом целебных настоек, что выветрить его не было никакой возможности. Пани умерла на курорте, отравившись непонятно чем. Впрочем, для ее ослабленного долгим лечением тела ядом могло оказаться самое безобидное снадобье.

Третий брак оказался удачным. Прошло пять лет после свадьбы, и все вроде бы выглядело розовым и теплым. Но этой ночью, лежа без сна в супружеской постели, пани Эмилия сообразила, что и первая, и вторая жена оставили сей мир в начале шестого года замужества. Это, разумеется, было простым совпадением, но туман смутной тревоги плотно окутал сердце пани.

И вот еще что, о чем не принято говорить, но невозможно замалчивать. Когда Эмилии, тогда еще юной девушке, передали предложение руки и сердца от представителя одного из самых знатных и богатых родов Польши, она подумала, что сват ошибся или напутал. Сватом был сосед, знавший ее с детства и не одну трубку выкуривший в их гостиной долгими зимними вечерами, под завывание ветра в пустых перелесках.

Претендента на свою руку она видела два или три раза на балах в Кракове, но дальше нескольких слов во время тура мазурки дело не пошло. Да, ей нравился этот мужчина, хоть и брыластый, но еще по-военному поджарый, в ладно сидящем камзоле. Хотя его виски уже тронуло серебром, танцевал он ловко, легко двигаясь, чуть ли не паря над паркетом. Еще помолодому черные, пышные усы почему-то взволновали воображение девушки. Ей на минуту представилось... впрочем, она тут же отогнала от себя эту мысль.

Род ее был уважаемым, но сильно обедневшим, и приданое, отложенное для нее отцом, выглядело более чем скромным. А без хорошего приданого в наступившие меркантильные времена рассчитывать на завидную партию не приходилось. Несмотря на чудесный румянец, пышные белокурые локоны и ясные, точно летнее небо, голубые глаза, ее ожидал брак с выходцем из захудалого рода и полунищенское существование в давно не отремонтированном доме запустелого маетка.

И вдруг – он. Пусть по возрасту подходящий в отцы, но в ореоле славы доброго и заботливого мужа.

– О, как он горевал, когда погибла первая жена, – рассказывал сват, горестно всплескивая руками. – А как трогательно и самоотверженно ухаживал за второй женой! Поверьте, столь замечательные душевные качества стоят разницы в возрасте.

– Но почему пан Анджей обратил внимание на мою дочь? – все еще не веря своим ушам, переспросил отец. – Мы, разумеется, польщены вниманием столь знатного человека, но... – он слегка замялся, и сват тут же подхватил:

– Вы опасаетесь, нет ли здесь какого-либо подвоха? О, разумеется, есть! Он стар как мир, но весьма незамысловат. Дело в том, что... – тут сват сделал паузу и внимательно поглядел на девушку. – Да, все дело именно в том, и только в том, что Анджей смертельно влюблен. Потерял голову и думает лишь о вас.

Ах, как все выглядело романтично! И корзины белых роз, которые стали приносить каждый день после того, как сват ушел, заручившись согласием девушки и родителей, и бриллианты в качестве предсвадебного подарка, и нежелание даже говорить о приданом.

– Ваша дочь – настоящее сокровище, – заявил пан Анджей отцу. – Кроме нее мне ничего не нужно.

Кто бы рискнул предположить, что этот лощеный аристократ, этот продолжатель старинного рода, этот галантный кавалер превратится в сущего скота, оказавшись наедине с молодой женой в супружеской опочивальне?!

Ей даже в голову не могло прийти, будто что муж в состоянии требовать такое от жены! Первые ночи она пребывала почти в непрерывном шоке от происходящего, а потом с душевной судорогой и физической болью начала привыкать. Человек на самом деле очень выносливая и очень терпеливая тварь!

Как настоящий скот, пан Анджей не менял своих привычек, всегда следуя одной и той же борозде. Скоро пани Эмилия с точностью до секунды могла указать, какая услуга от нее потребуется в следующий момент. Страшит только неожиданное, хорошо знакомое может вызвать отвращение или неприязнь, но не страх. Ведь то, что известно, уже не пугает.

Прошло пять лет. Пан резко сдал в мужском смысле и напоминал о супружеском долге куда реже, чем в первые годы совместной жизни. Осторожными расспросами служанок и знакомых пани выяснила, что на самом деле ничего особенного муж от нее не требовал, а так называемое скотство и есть интимные отношения между мужчиной и женщиной.

В монастыре бенедиктинцев, где она получила образование и представление о мире, на эту сторону жизни смотрели с заведомым отвращением и сумели, не называя вещи своими именами, привить воспитанницам инстинктивное отвращение к тварной составляющей человеческого существования.

Будучи женщиной неглупой, пани Эмилия поняла и простила мужа, тем более что на самом деле прощать было нечего. Однако после каждой встречи под одеялом она долго не могла избавиться от оторопи и чуть не до утра лежала без сна, слушая рулады, выводимые законным супругом. И вот этой ночью, еще пребывая в той самой оторопи, она вдруг подумала о начале шестого года.

Рулады перешли в почти звериное рычание. Пани Эмилия поморщилась, поднялась с постели, накинула халат и, неслышно скользя босыми ногами по паркету, пошла в свой будуар. Паркет был теплым, пан любил, чтобы хорошо топили, а пани, когда ее не видели слуги, любила ходить по нему без домашних туфель. Ей почему-то вспомнилось детство, лето в имении у богатой тетюшки, белая купальня, разрезавшая зеленую гладь тихого пруда, и песок под ногами. Такой же теплый, как этот паркет.

Подойдя к приоткрытой двери будуара, она замерла от испуга. Внутри кто-то был, пани ясно слышала шорох и едва различимые шаги. Осторожно заглянув в щель между створками, она столкнулась с испытующим взглядом глаз в прорези черной маски. Красная бархатная портьера одного из окон была отодвинута, окно распахнуто настежь, и в него глядела полная луна, заливая будуар ярким светом.

Посреди комнаты стоял человек в черной маске и внимательно смотрел на пани. Та от ужаса оцепенела на несколько мгновений, затем, словно загипнотизированная, вошла в будуар, а затем сделала то, что на ее месте совершила бы любая другая женщина, — истошно завопила. Незнакомец одним прыжком оказался возле окна, по-кошачьи ловко взлетел на подоконник, присел, спустил ноги вниз и через мгновение исчез.

Пани продолжала вопить. Ее колотила крупная дрожь, коленки подгибались от страха. Спустя минуту прибежал пан. В ночной рубаше, с колпаком на голове и с обнаженной саблей он был скорее смешон, нежели страшен, но пани было не до смеха. Узнав, в чем дело, пан тоже заорал, но уже басом, и вскоре огромный особняк наполнился стуком каблуков, звоном оружия, треском факелов.

Увидев выдвинутые ящики туалетного столика, пани Эмилия быстро обнаружила, что исчезла шкатулка с драгоценностями. Но главным и самым устрашающим во всей истории была не пропажа бриллиантов, а то, что кто-то сумел проникнуть в тщательно охраняемый

дом и подобраться к опочивальне. На месте вора мог оказаться убийца с кинжалом, мститель, посланный одним из пострадавших от ярости пана, и это грозило куда большей потерей.

В будуар можно было попасть либо через спальню, либо через дверь, ведущую в библиотеку. Мнительный пан Анджей перед тем, как улечься в постель, всегда лично запирает дверь в библиотеку, а ключ прятал в тумбе у изголовья кровати. Дверь осталась запертой, следовательно, вор попал в будуар тем же путем, как и бежал из него, – через окно.

Но как он сумел забраться на высокий второй этаж по каменной стене? И как спустился? Неужели цепляясь за выступы в кладке? Такое не под силу нормальному человеку, разве что кошке, да и то не всякой. И как вообще он попал в поместье, обнесенное высоким забором, ухитрившись избежать встречи со свирепыми псами?

Расспросили охрану. Да, один из гайдуков заметил убежавшего вора и сразу натравил на него сторожевого пса, способного одним ударом повалить овцу и вцепиться ей в горло. Пес кинулся за черной фигурой, спустившейся со стены, но тут же жалобно заскулил, вернулся и, поджав хвост, прижался к ногам гайдука, словно ища защиты. Гайдук вскинул ружье, прицелился и спустил курок. Осечка! Снова взвел курок – снова осечка. Незнакомец взлетел на забор и скрылся за ним.

Пани Эмилия пересмотрела все ящики. Исчезли ее бриллиантовые украшения: серьги, кулон и кольцо. Целое состояние! Гайдука обвинили в плохом уходе за оружием и выпороли на конюшне. Били долго, до крови, до потери сознания. Обливали холодной водой и, когда приходил в себя, снова били. Ружье должно стрелять, а если оно два раза подряд дает осечку, значит, его плохо чистили и не смазали.

Все, включая самого пана Анджея, понимали, что гайдук не виноват. Но просто так спустить кражу драгоценностей пан не мог. И гайдук был принесен в жертву для назидания остальным. После порки он прожил три недели, большую часть дня проводя на скамейке в людской, харкая кровью в грязную тряпицу.

Умер он во сне, не проснулся и все. Те, кто обмывал его перед похоронами, рассказывали, что рот гайдука был забит сгустками запекшейся крови, от которых он, скорее всего, и задохнулся.

Собаке пан Анджей тоже отомстил, отдав ее пастухам, опекавшим его огромные стада. Но пес не был приучен к подобной работе и через два дня, ночью, набросился на одного из пастухов, отошедшего от костра по нужде, приняв его за грабителя. Пастуха с трудом отбили, и он еще долго ходил обмотанный тряпками, морщась от боли.

А пса во время той свалки крепко ударили дубинкой по голове, иначе он не разжимал мертво сведенные зубы. Он умер в полном недоумении, не понимая, почему убивают за то, к чему приучали всю его недолгую собачью жизнь.

* * *

Совсем недалеко от поместья, за дощатым мостом через тихую речку, заросшую у берегов кувшинкой, за дремлющими под нежарким осенним солнцем сосновыми перелесками, меж долов, логов и оврагов раскинулось еврейское местечко Курув. Когда-то оно было польским городком, но за последние двести лет в нем осело полторы тысячи евреев, построивших синагоги, молельные дома, миквы, приюты для нищих, бойню, три корчмы и устроивших собственное кладбище. Поляки и русские продолжали жить в городке, но на фоне пришлого люда они как-то стушевались, поникли и стали почти незаметны. Для проезжающих и проходящих Курув, безусловно, выглядел еврейским местечком, со всеми вытекающими отсюда достоинствами и недостатками. Городок располагался на земле пана Моравского, но тот напрямую не вмешивался в дела жителей, требуя только одного – вовремя вносить арендную плату. Для проведения удобной ему политики у пана были скрытые от посторонних глаз веревочки влияния.

Как и в любом другом местечке, были в нем свои богачи, свои нищие, свои раввины, свои сумасшедшие и свои святые. Был и свой мойсер, доносчик, – Гецл. Обо всем, что происходило в Куруве, он немедленно докладывал пану. Во всем остальном Гецл вел себя как обычный богобоязненный еврей, доноительство было для него работой, за которую ему платили деньги, и совсем даже неплохие.

Гецла несколько раз били, причем тяжело, и пан Моравский, подобно праотцу Якову, велел сшить для него цветное одеяние, дабы выделить его из толпы прочих жидков. Одеяние представляло собой четырехугольную накидку, похожую на талес, и пан приказал прицепить к ней цицес – кисти видения. Гецл нехотя напялил сей странный наряд, а пан Анджей, вызвав к себе глав польской и еврейской общин Курува, объявил, что носитель этой накидки находится под его защитой.

– Собака, которая посмеет тронуть Гецла хотя бы одним пальцем, будет иметь дело лично со мной, – завершил пан свою короткую речь. Связываться с Моравским стал бы только сумасшедший, и с того дня Гецл открыто и безболезненно продолжил заниматься своим ремеслом: приносить в поместье мелкие слухи и крупные сплетни.

– С Небес спускается только добро, – объяснил прихожанам положение дел раввин Курува, ребе Михл. – Теперь мы точно знаем, когда держать язык на привязи.

Прихожане – портные, возчики, мелкие торговцы, бондари и прочий тяжело трудившийся люд – тяжело работали с утра до вечера. Почти все их время уходило на выживание; зарабатывая на хлеб в поте лица, спины, рук и ног, они еле выкраивали время прийти вечером на урок Торы, чтобы сладко заснуть после второй фразы раввина.

Жизнь рабочих бедолаг, наполненная искренним, чистым служением Творцу, создавшему им такие условия, текла ровно, не оставляя следа в этом мире. Возможно, в горних высях каждый храп на уроке, каждый капитель псалмов, прочитанный по памяти среди беготни и сумятицы, записывались алмазным пером на золотых скрижалях. Но в мире дольнем серое полотно их будней украшали редкие цветные искорки, а сами они проходили сквозь жизнь незаметно, один за другим бесследно исчезая под могильными плитами.

Жили в Куруве несколько молодых евреев, которых пока нельзя было записать ни в святые, ни в раввины, ни в сумасшедшие, ни причислить к трудовому люду. Никто еще не знал, что из них выйдет. Именовали этих юношей поруш, то есть отрешившимися. День и ночь они проводили не в погоне за куском хлеба, а в молитве и учебе, отбросив удовольствия этого мира, как муху из борща.

Сказать по чести, сколько их там было, этих удовольствий, у нищих евреев Курува? Но сколько бы ни было, пренебрегать ими не стоило, ведь для бедняка, питающегося черным хлебом, луком и редиской, субботний чолнт из куриных крылышек, на который богат и смотреть не станет, представляется райским блюдом, приготовленным руками ангелов.

Несмотря на полуголодное существование, восемнадцатилетний поруш Зяма был ладным, крепко сбитым парнем, высокого роста, с не по годам густой бородкой. Его цепким, хватистым рукам больше подобало держать не книги, а молот кузнеца или деревянную кувалду бондаря. Но этому Зяму ни в детстве, ни в отрочестве не учили. Он умел только листать святые книги, это ему нравилось, и ничем иным поруш не желал заниматься.

Есть люди, которые убегают от мира, чтобы избежать его соблазнов. А есть такие, которым просто не оставили выбора. Не было в Зяме ни страсти приобретательства, основы всякого богатства, ни азарта первопроходца, ни куража авантюриста, ни расчетливого скопидомства купца. С книгами переплелась его душа, и лишь к учению лежало сердце.

Чтобы преуспеть в любом деле, а в учении Торы особенно, необходимы три непростые вещи.

Во-первых, талант от Бога. Его у Зямы хватало. Хватало и острого ума, и прекрасной памяти, и умения внезапно сопоставить то, что учил полгода назад, с новой темой и сделать головокружительные выводы.

Во-вторых, усидчивость, или, выражаясь народным языком, «обширное седалище». И это у Зямы имелось, он мог сидеть над книгой, не отрывая глаз два-три часа, сосредоточив мысли на одной теме до полного единения с ней.

И в-третьих, а возможно – во-первых, удачное стечение обстоятельств. Его именуют по-разному: везение, талия, фортуна, – но, как ни назови, именно оно у Зямы отсутствовало напрочь.

Говорят, будто сие обстоятельство жизненного пути могут с успехом заменить связи или деньги. А есть такие, что утверждают, будто именно они и есть удача и настоящий фарт. Но ни первого, ни второго, ни всего остального у Зямы тоже не было. Его жребий – влачить существование, разгрызая день за днем выпавшую ему долю и рассчитывая, что когда-нибудь Всевышний обратит на него милостивый взгляд и пошлет столь недостающую удачу.

Жил он с родителями: отцом – старым водовозом и матерью – торговкой вразнос. Он был сыном их старости, его старшие братья и сестры давно отделились, обзаведясь семьями и кучей малышей, Зяминых племянников и племянниц. Старики-родители уже не могли работать и жили тем, что приносили дети. Ой-вей, не дай Бог зависеть от чужих милостей, и уж особенно полагаться на доброхотность собственных детей!

С голоду родители не умирали, но и совсем не роскошествовали. И вот от этих-то убогих щедрот немного перепадало и Зяме. Однако никаких иных действий, кроме перелистывания книг, Зяма не намеревался предпринимать.

– Зачем? – объяснял он, когда заходила о том речь. – Весь мир принадлежит Богу, и Он держит его в крепкой руке. Бог посылает и достаток, и удачу, и здоровье, и саму жизнь. Зачем же я буду делать вид, будто стараюсь что-то заработать собственными силами? Это просто неуважение к Владыке мира! Я словно показываю: раз Ты мне Сам не даешь, так и без Тебя заработаю. Не-е-ет, други мои, лишь на Него я полагаюсь, только Ему верю и на Его милосердие уповаю.

Торой Зяма занимался в основном по ночам. Не из мистических соображений и безо всякого отношения к каббале и прочим премудростям тайного знания. Все было куда проще: ночью постоянное томление под ложечкой, голод, грызущий внутренности, помогали Зяме не заснуть до утра.

Ночи он проводил в бейс мидраше. После окончания вечерних занятий ученики расходились по домам, а он сидел еще часик над Талмудом. Затем ужинал куском черного хлеба с луковицей, запивая не успевшим остыть чаем, вытаскивал из-за книжного шкафа одеяло и подушку и устраивался на деревянной лавке. Просыпался после полуночи, умывался, открывал книги и погружался в них до начала утренней молитвы.

После ее завершения Зяма с чувством хорошо потрудившегося человека шел домой. Старики к тому времени заканчивали завтрак, но мать всегда приберегала для младшенького лакомый кусочек. Из того, что приносили старшие дети, она выбирала то вареные яички, то блины с кислым молоком, а то тертую пареную репу. Иногда Зяме доставался кугл – запеканка из лапши, – творог, блинчики, всего понемногу, по крохе. Разумеется, братья и сестры знали, что Зяма кормится вместе с родителями, и накладывали больше, чем нужно старикам.

Поруш завтракал, спал до обеда, потом возвращался в бейс мидраш и сидел в нем до послеполуденной молитвы. Завершив ее и дождавшись вечерней, он проводил еще час над Талмудом, а затем принимался за ужин. Кусок черной горбушки, завернутый материнскими руками в белую тряпицу, был настолько пропитан любовью, что Зяма полностью насыщался – то ли хлебом, то ли исходящими от него эманациями – и укладывался на лавку до полуночи.

В местечке Зяму за глаза называли святым, эти слухи долетали и до его ушей, не оставляя, впрочем, малейших царапин на алмазной поверхности души. Он хорошо знал истинную цену своему усердию, ночным бдениям и отстраненности от удовольствий этого мира.

Не раз и не два во время учебы он замирал, не спуская глаз со страницы, однако мыслями, никому не видимыми и не познаваемыми мыслями уносясь далеко от букв и слов. Широко расставленные локти крепко упирались в столешницу, гладко оструганную, полированную стеклышком, а потом локтями и локтями вот таких же, как Зяма, сидельцев. Неужели ему суждено провести всю свою молодость в этом бейс мидраше, над этими книгами? Неужели добрый и справедливый Бог не даст ему ни одного шанса?

О, выпади хоть какая-нибудь ничтожная, малипусенькая возможность вкусить плодов мирских наслаждений, будьте уверены, Зяма бы не оплошал. Ведь во всяком деле главное – начать, оказаться внутри потока. А потом умный человек всегда сумеет оседлать струю, превратиться из щепки, влекомой бурными волнами, в гордый парусник, небрежно рассекающий те самые волны носом, окованным до блеска надраенной медью.

Речь, разумеется, не шла о грубых желаниях, примитивной жажде богатства, почестей, женского внимания. От такого рода низменных мыслей Зяма был бесконечно далек. Он мечтал написать глубокую, очень глубокую книгу, или научиться произносить вдохновенные проповеди, или дойти в понимании Талмуда до самых вершин, куда добирались лишь великие законоучители.

Но сказано: не делай из Торы мотыгу, не пытайся с ее помощью приобрести блага земные. Лишь ради Господа должно быть старание твое, к правде, к правде стремись!

Все это Зяма хорошо понимал и, отдавая себе отчет в своих же мечтах, четко осознавал, что его стремление к высотам духовности и есть то самое запретное действие превращения Божественного дара в землеройное орудие. Но ведь он не умел ничего другого и даже не представлял, где такое находят и как им после обнаружения пользуются. Поэтому, возвращаясь из заоблачных далей в душное помещение бейс мидраша, он каждый раз просил доброго Бога не держать зла на Зяму, а пожалеть и немножечко, ну совсем чуть-чуть, взять да пособить!

И если Владыка мира не считает нужным помочь написать книгу или научиться красиво говорить, почему бы Ему не послать учителя, которому Зяма бы поверил до конца и пошел бы за ним не оглядываясь, через море невзгод и несчастий. Ведь жизнь представлялась порушу грязным болотом, через которое необходимо перейти, да еще не испачкавшись.

Шли дни, недели, месяцы, ой-вей – годы! – а Всевышний упорно не предоставлял Зяме даже самой маленькой возможности. Оставалось лишь делать то, что умеешь, сжимая зубы до боли в деснах, и надеяться, надеяться, надеяться, пропуская мимо ушей наивную болтовню жителей Курува о святости юного поруша. Да, Зяма точно знал истинную цену своей святости, своему усердию, ночным бдениям и отстраненности от удовольствий этого мира.

* * *

Это случилось ранней весной, когда стужа отступила и сугробы начали медленно оседать, с хрустом вспоминая о днях былой крепости. Стояла не по-весеннему студеной ночь, сосульки на крыше бейс мидраша, весь день истекавшие слезами разлуки с зимой, снова подмерзли.

Зяма проснулся и, открыв Талмуд, разбирал спор комментаторов. Отличия были весьма тонки, казалось бы, неуловимый поворот мысли переворачивал с ног на голову всю логику темы. Он пытался уловить этот поворот, но тот, словно серебряная плотвичка, раз за разом выскальзывал из ладони.

Зяма хлопал рукой по столешнице, поднимался, изумленно вытаращив глаза, мерил шагами зал и опять усаживался, снова и снова возвращаясь к одним и тем же строчкам.

Как такое вообще могло прийти в голову комментатору? Откуда у человека появляется столь необычный взгляд на простые, привычные вещи?

Вот он, Зяма, не раз и не два изучал эту тему, топая по привычным, хоженным дорожкам от вопросов к ответам. Перевернул каждый камень на этих дорожках, все цветы на обочине согрел прикосновением ладони и, казалось, мог бы пройти с закрытыми глазами туда и обратно. А вот поди ж ты!

– Ничто так не ставит человека на место, как изучение Талмуда, – в сотый раз бормотал Зяма. – Если и были у меня заблуждения на собственный счет, то вот теперь они окончательно рассеялись. Ты дурак, Залман, кусок дерева, колода. Твоя голова годится лишь для ношения шапки. Где тебе сочинять книги, даже написанное другими ты понять не в состоянии!

С ожесточением хлопнув себя по лбу, он задел нос и взвыл от неожиданно острой боли. Из глаз сами собой полились слезы, боль распахнула ворота, и нахлынула скопившаяся горечь обиды на свою бесталанность, осознание того, что ничего в жизни не изменится и он сидит там, где ему положено, поскольку делать ничего иного не умеет, а то, что умеет, умеет плохо и вообще ой-вей!

Стесняться было некого, и Зяма заплакал отчаянно и навзрыд, как ребенок, у которого отобрали пряник. Болел не только нос, лоб тоже ломил, словно по нему ударили не ладонью, а куском дерева.

Зяма поднял ладонь – потрогать саднящее место – и вдруг ощутил в ладони что-то живое, трепещущее, скользкое, будто рыбка. А-а-а, вот же оно, вот! Смахнув слезы, он впился в текст. И все теперь выглядело по-иному, словно пелена с глаз упала. Ход рассуждений был четким и простым, только последний дурак мог не проследить ясной линии доказательств.

Он прошелся по комментарию еще три раза, отыскивая подвохи, капканы или ямы с укрытыми на дне колями. Ничего! Уютный, словно ласковый осенний день, комментарий дружелюбно светился на прежде черной и угрюмой странице. Даже ровное, точно столбик, пламя единственной свечки вдруг стало казаться ярче, озарив скрывавшиеся в темноте углы зала. Зяма потянулся и встал со скамьи.

Нет, все-таки он не последний дурак! Дурак, конечно, но не последний! Разобраться в таком комментарии, у-у-у-у, честь тебе и хвала, Залман, низкий поклон в ножки. Вот сейчас можно со спокойной совестью выпить горячего чая.

С вечера Зяма засунул в прогоревшую печку чайник, и тот тихонько поскрипывал на чуть рдеющих углях. Печку к ночи истопили, разумеется, не в Зямину честь, раввин вел урок для зажиточных горожан, которые вовсе не намеревались мерзнуть в бейс мидраше. Чай в заварочном чайнике тоже остался от этого урока, поэтому сегодня можно было блаженствовать, попивая горячую ароматную жидкость.

Скрипнула входная дверь, и холодный воздух ворвался в бейс мидраш. Очертания человека, вошедшего с мороза, дымились и трепетали.

– Умоляю, горячего, – воскликнул незнакомец, направляясь напрямик к печке. – Умоляю, хоть крошку хлеба!

«Вот же замерз, бедолага, – подумал Зяма. – И ведь вроде уже не зима, а, видать, по ночам ещё прихватывает».

За всю прошедшую зиму он ни разу ночью не вышел на улицу – спал или учился, – но понять незнакомца вполне мог. От ужина у Зямы оставался кусок медового пряника, он приберегал его для тяжелых предутренних часов, когда больше всего клонит ко сну. Налив полную кружку горячего чая, он щедро разломил пополам пряник и протянул незнакомцу. О, если бы он тогда знал, во что обернется ему эта щедрость, если бы он только знал!

Гость поблагодарил, сел на скамью, произнес благословение и начал есть. Ел он медленно, тщательно пережевывая каждую крошку, как это делают сведущие в Торе люди. Ведь еда очень важное, серьезное дело – и относиться к нему следует со всей почтительностью. Набивают рот

только невежды, поспешность за столом свидетельствует о грубости характера. Посмотри, как человек ест, и ты сразу увидишь, работал ли он над собой, улучшал ли свои духовные качества или продолжает оставаться животным.

Незнакомец был рыжим, как царь Довид¹. Рыжая, с полосами благородной проседи борода слегка дымилась с мороза, щеки покрывали мелкие рыжие веснушки, такие же были на кистях рук с длинными, чуть подрагивающими пальцами. Незнакомец перехватил удивленный взгляд Зямы, подкупающе улыбнулся и объяснил:

– Прошу прощения, я сбился с дороги. По полям блуждал, едва под лед не провалился на речке. Замерз, аж руки трясутся. Единственное окно, которое светится во всем местечке, – твое. Чай и пряник просто Божье благословение, спасение души! Даже не знаю, как благодарить. Звать-то тебя как?

– Залман. Можно просто Зяма.

– А меня Самуил.

– Как-как? Шмуэль, наверное? – переспросил Зяма, удивившись, что гость произнес имя на нееврейский лад.

– Да нет, именно Самуил. Я вижу, ты не спишь, учишься, – гость указал на раскрытые книги.

– Да. Ночью время хорошее.

– А днем в сон не тянет? Работать не вредит? Чем ты на хлеб зарабатываешь?

И тут Зяма повторил ему свое присловье про Владыку мира, держащего все в Своей руке, и про то, что лишь на Него он полагается, только Ему верит и на Его милосердие уповает.

– Очень похвальный подход, – радостно закивал Самуил. – Только вот как ты объяснишь фразу из Писания: «Шесть дней работай и делай всякое дело свое?» Разве сие не есть предписание Всевышнего?

– Ну, это просто, – в свою очередь улыбнулся Зяма. – Под работой Писание имеет в виду учение Торы и молитву.

– Но если так, зачем Писание повторяет: делай всякое дело свое? – ответил Самуил. – А ответ прост: работай – значит учишься и молишься, а делай всякое дело – значит зарабатывай на жизнь своими руками. Необходимо и то и другое.

Зяма оторопел. Самуил разрушил тщательно возведенное им построение с такой легкостью, с какой лошадь, пришедшая на водопой, разрушает построенный детьми домик из песка. Приведенное им доказательство было простым и ясным, удивляло лишь одно: почему он сам до него не додумался!

– До рассвета еще далеко, – между тем произнес незнакомец. – Давай поучимся.

– Хорошо, – согласился еще не пришедший в себя от изумления Зяма. – Я не совсем понимаю вот это, – и он указал на страницу, где до сих пор мягко переливался розовым и желтым хорошо разобранный комментарий.

«Посмотрим-посмотрим, – сказал он сам себе с некоторой долей злорадства. – Меня ты раскусил походя, но кто я такой? Поточи свои зубы на серьезном оселке».

Самуил взял в руки книгу и тяжело вздохнул:

– Темновато. Буквы маленькие. Плохо вижу.

«Отговорка, – внутренне усмехнулся Зяма. – Просто отговорка».

Самуил придвинул мятый бронзовый подсвечник и толстым, ороговевшим ногтем снял нагар со свечи. Огонек пламени распрямился, и света ощутимо прибавилось. Откашливаясь и пофыркивая, Самуил принялся за чтение. Зяма следил за его бесстрастным, словно окаменевшим лицом, сам не понимая, чего он хочет: чтобы гость не справился с комментарием – или, наоборот, сумел его понять и объяснить. Он вдруг почувствовал необъяснимую симпатию

¹ Ашкеназская транслитерация имени Давид.

к этому человеку, словно к его сердцу прикоснулись невидимые пальцы и принялись нежно поглаживать.

– Я думаю, – отложив книгу, начал Самуил, – данное противоречие можно объяснить следующим образом.

И он начал пункт за пунктом раскладывать по полочкам то, к чему Зяма подбирался столь долго и столь мучительно. И не просто объяснять, он словно прочитал мысли Зямы и заговорил его словами, его оборотами речи, его интонациями. Это было непостижимо и удивительно – и настолько же прекрасно. Наверное, в первый раз за все годы, проведенные за книгами, Зяма видел, как человек с ходу перемахивает через сложнейшее препятствие, да еще умудряется объяснять способ его преодоления языком, понятным собеседнику. Вне всяких сомнений, Самуил обладал выдающимися учительскими способностями.

– Все понятно? – спросил тот, закончив объяснения.

– Все, – подтвердил Зяма.

– Тогда что ты скажешь вот на это? – И Самуил стал один за другим вытаскивать подводные камни, которые Зяма уже успел обнаружить.

– Добре, добре! – воскликнул Самуил, услышав ответы Залмана. И тут же перешел к теме из другого трактата Талмуда. До коротких часов перед рассветом они гуляли по широким полям Учения, и прогулка эта вовсе не выглядела увеселительной, а скорее походила на проверку. Самуил как-то сразу взял на себя роль экзаменатора, но это не тяготило Зяму. Ему нравился их быстрый, на первый взгляд беспорядочный разговор, перескоки с одного раздела на другой, внезапные, словно сабельные удары, вопросы и кружево, кружево, кружево слов, таких знакомых, привычных, близких. Самуил говорил, а главное, мыслил почти как Зяма, и это сходство рождало понимание. Не успевал один из них закончить фразу, как другой уже начинал отвечать. Все это было очень, очень приятно.

– Да ты настоящий мудрец! – воскликнул Самуил, когда черные проемы окон стали наливать серой водой рассвета. – Не ожидал встретить такого в Куруве!

Зяма смутился. Подобного ему еще никто не говорил. Положа руку на сердце, он бы никогда не подписался под этими словами Самуила. Но слышать их от такого знатока (а в том, что перед ним подлинный знаток Учения, сомневаться не приходилось) было весьма лестно.

– Я, пожалуй, вздремну до молитвы, – сказал Самуил. – Где тут можно прилечь?

Зяма вытащил подушку и одеяло, уложил гостя на скамейке, где спал сам, и вышел во двор. Обычно он очищал организм два-три раза в течение ночи, но сегодня из-за интересной беседы выйти не получилось. Отсутствовал он совсем недолго, однако, вернувшись, обнаружил пустой бейс мидраш. Самуил ушел, его мнимый сон был просто уловкой, обманым приемом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.